

АРХИТЕКТУРА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Стеклова И.А.

ГОУ ВПО «Пензенский государственный архитектурно-строительный университет», Пенза, Россия (440028, Пенза, ул. Титова, 28), e-mail: i_steklo60@mail.ru

В статье заявлена проблема происхождения смыслов архитектуры, обретающая в современной стратегии проектирования особую актуальность. Представлены предпосылки первого герменевтического исследования архитектуры посредством образов художественной литературы. Сопоставлено устройство архитектурной формы и устройство поэтической метафоры в целостности формы и содержания. Акцентирована пространственность в структурах понимания и языка, способствующая объяснению разумных и гармоничных структур реальности в картинах мира. Свойства физической архитектоники как архитектоники мировоззрения рассмотрены в творчестве А.С. Пушкина. Выведена типология архитектурных топов, представленных Пушкиным в системе декартовых координат, с опорой на гравитационную вертикаль и горизонтальную протяженность. В метафорах архитектурной предметности выявлены геометрические универсалии, резонирующие с ментальными универсалиями. Автор приходит к выводу о глубоко укорененной значимости архитектуры в построении поэтической картины мира.

Ключевые слова: смыслы архитектуры, картина мира, топы, базовые и культурные универсалии, Пушкин

ARCHITECTURE IN POETRY WORLD VIEW

Steklova I.A.

«Penza State University of Architectural and Construction», Penza, Russia (440028, Penza, Titova str.,28), e-mail: i_steklo60@mail.ru

The article states the problem of architectural meanings origin gains the particular relevance in modern design strategy. The backgrounds of first hermeneutical research of architecture through fiction images are presented. The architectural form device and the poetic metaphor device with form and content integrity are mapped. In the understanding and language structures the spaciousness promotes explanation of reasonable and harmonious reality structures in the world views is accentuated. The properties of the physical architectonic as the world architectonic are discussed in A. S. Pushkin creation. The architectural tops typology by Pushkin is derived in Cartesian coordinate system relying on the gravitational vertical and horizontal extent. In the architectural objectivity metaphors the geometric universals resonating with the mental universals are identified. The author comes to the conclusion about deep-rooted significance of the architecture in the construction of a poetry world view.

Keywords: meanings of architecture; world view; tops; basic and cultural universals, Pushkin

Хорошо известно, что в объяснение мира с незапамятных времен вмешивается не только рациональная наука, но и искусство – образы и картины мира. Как считал К. Ясперс: «Только язык воображения... соприкасается с реальностью, которая ускользает от всех объективных исследований» [20]. Если идея, по Платону, оживляет костную материю, то художественно преобразованная идея справляется с этим куда быстрее. Попутно, объясняя и оживляя мир, различные феномены искусства объясняют и оживляют друг друга, вступают в прямые и косвенные отношения внутри культуры, оказывая, в конце концов, синергетическое влияние на ту же науку. Естественно, вербальные виды и жанры объясняют пространственные. Например, художественная литература объясняет смыслы архитектуры, что определено не только ее сущностной разговорчивостью, но и природой мысли вообще.

Всякое мышление априори пространственно. В нем даже самые запредельные абстракции могут подвергаться тем или иным измерениям, представая в движении, пластике, объеме, цвете. Естественно, что все это глубинно-умозрительное жаждет наружного, оформленного предъявления в языке, подбирающем для этого и научно-строгие и раскованно-художественные словоформы. Впрочем, бывает, что не ищет, а обнаруживает желаемое непроизвольно, как само собой разумеющееся. В частности, понимание архитектуры у русского читателя опирается на формулы практически неосознаваемого происхождения. А присвоенные через них смыслы «образуют пространство существования, которое и служит основой для действий человека» [21]. Речь – об архитектуре в мировоззренческой оптике поэзии и прозы А.С. Пушкина, об особенностях архитектурного пространства, трактованных в его произведениях.

В августе 1834 года поэт впервые увидел полотно К.П. Брюллова «Последний день Помпеи». После просмотра он играючи воспроизвел по памяти одну из центральных групп живописной композиции, где сыновья несут на руках отца, а также набросал четыре стиха «Земля волнуется – с шатнувшихся колонн» [7]¹. Нарушение гравитационного баланса пространства, поразившее Пушкина в *шатнувшихся колоннах* и падающих *кумирах*, заставляющих население *под каменным дождем бежать из града вон* [15], – непредвиденная и оттого невыносимая ситуация в поэтике его произведений. Если течение нормальной жизни ставилось вдруг под угрозу, автор посылал героям и читателям заблаговременное предупреждение, сигналивая тем, что *небо слилось с землею*, или *темное небо смешалось со снежным морем* [8], или *мутно небо, ночь мутна* [9]. Ю.Ф. Карякин, сравнивая частоту употребления «знаков непредвиденной реальности» [4] у Достоевского, Толстого, Пушкина, сосчитал, что слово «вдруг» встречается у Достоевского только в пяти романах примерно 3600 раз, у Толстого в трех романах около 800 раз, у Пушкина во всех его произведениях, включая черновики и переписку, всего 470 раз.

В. Франкль, прозревавший во всем «волю к смыслу», заметил: «Поиск человеком смысла и ценностей... порождает скорее внутреннее напряжение, чем внутреннее равновесие» [18]. Примерно за сто лет до данной фиксации Пушкин снимал это «внутреннее напряжение», налаживая «равновесие живой жизни, в которой всегда есть верх и низ, свет и тень» [5]. В неколебимости пространства, построенного на декартовых осях, проявлялись смыслы, о которых писал Лев Шестов: «Там, в Европе, лучшие, самые великие люди не умели отыскать в жизни тех элементов, которые бы примирили видимую неправду действительной жизни с невидимыми, но всем бесконечно дорогими идеалами... Мы с гордостью можем сказать,

¹ Здесь и далее выделены курсивом цитаты из текстов А.С. Пушкина, а также слова в значении контекстов этих цитат, приведенных по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

что этот вопрос поставила и разрешила русская литература, и с удивлением, с благоговением может теперь указать на Пушкина: он первый не ушел с дороги, увидев перед собой страшного сфинкса, пожравшего уже не одного великого борца за человечество. Сфинкс спросил его: как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь, верить в правду и добро? Пушкин отвечал ему: да можно, и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги» [17].

Исследовав целый «пласт картин, образов и положений, встречающихся в лирических, эпических и драматических произведениях Пушкина, причем не только в стихах, но и в прозе» [3], А.К. Жолковский убедился в эффективности внушаемой поэтом стабильности с перевесом состояния «неизменности» перед «изменчивостью», которую назвал «превосходительным покоем». Им были обнаружены «достаточно конкретные социальные и психологические обертоны», причем безразличные не только к производимому впечатлению, но и к внешнему, физическому материалу своего претворения. Однако для самого материала претворения любое обертонирование Пушкина вряд ли безразлично. Все, что попадало в радиус влияния его «превосходительного покоя», противоположного игре переменчивых страстей, преображалось в далеко не случайном смысловом приращении. Так, в позиции «превосходительного покоя» есть не только материал, но архитектоника и даже архитектура как эстетическое воплощение жизнестроительной функции в физическом материале. Так, в стилизации Корана *земля недвижна, оттого что неба своды / Творец, поддержаны тобой* [11]. А *порядок и молчанье царят в огромном сводов ряду* [10], задающем форму и масштаб пространства преисподней.

Вероятно, чтобы представить подобную анфиладу, находясь в деревенской глуши Михайловского, требовалось обратиться к резервам собственной обывательской памяти, к эстетической оценке той или иной архитектурной формы. Ведь таковые, по мысли А.В. Иконникова, возникают «не в процессе анализа отдельных ее сторон и свойств, а как результат целостного, синтетического осмысления и восприятия» [2], накапливаясь у каждого воспринимającego индивидуума. Доступность выстраиваемых в тексте ассоциаций требовалось предупреждать – если не зримостью, то опорой на наиболее доходчивую логику моделируемого пространства. В частности, своды, характерные для классицистических интерьеров и экстерьеров, оказались весьма достойной для этого – и рациональной, и эстетической – конструкцией. Своды в поэтике Пушкина стали настолько универсальным подспорьем, что подходили к строению множества физических и метафизических областей, к их апокрифичным предпосылкам, следствиям и закономерностям. Ведь и самая фантастическая всеохватность нуждается как в фиксации своего местоположения, во внятной связанности с другим и большим, так и в ясной автономии, подтвержденной бесспорной капитальностью.

Можно утверждать, что интуитивное стремление художника встроиться собственным миром в общее мироустройство опиралось на постижение реальных образцов. Архитектурные среди них – в многообразных объемно-планировочных, функциональных, конструктивных элементах – были самыми заметными и доступными в окружающей действительности. Частички разумного и иерархически организованного творения, с уже заложенными горизонталями и вертикалями, составляли в пушкинских произведениях своего рода типологию топов – совсем не длинный образно-смысловой ряд, посредством которого доказывалась надежность декартовой системы вселенских координат и в общем, и в частном. Обходясь без каких-либо разъясняющих эпитетов, ее единицы обретали в умозрительно возводимых пространствах самоценность и новое символическое звучание. Например, для *Странника*, спешащего *перебежать городовое поле* [15].

Из топов, подобных символическому *городовому полю: площадей, улиц, сводов, домов, врат, дверей, порогов, крылец, окон* и т.д., передающих работу архитектурных универсалий в готовом виде, а также из композиционных взаимоотношений между ними, моделировались пространства сюжетов в разного рода *домах, садах, улицах, деревнях, городах*. Поэт показывал их целостность сразу на нескольких уровнях: во-первых, в распоре между землей и небом; во-вторых, в структуре общего и частного; в-третьих, в эстетическом, этическом, философском, идеологическом освоении с выделением какого-либо важного свойства, признака, детали. Характерен факт ошибочного цитирования В.И. Ивановым начальных строк ершовского «Конька-горбунка» как однозначно пушкинских: «В тридесятм государстве, против неба на земле / Жил мужик в своем селе» [1]. То есть Русь для Иванова – это село, которое в измерениях Пушкина от неба до земли. Думается, в данном случае замечательна спонтанность использования данного авторского шаблона, свидетельствующая об осознанном соотечественниками приоритете в видении русского мира: страна как безбрежный, пронизанный смысловыми вертикалями промежутки бытия.

Если «бытие, которое можно понять, – это язык» [19], то понять архитектуру, не проявляя интереса к ее миссии в литературных текстах, невозможно. Например, в более или менее условных образах архитектуры и малой величины, и крупномасштабного пространства раскрывалась русская ментальность. В самом отобранном, концентрированном виде это делалось в сказках. Удивительно, что там, при канонической удаленности от банальной правдивости, находилось место для кратчайшей историко-архитектурной составляющей, которая, кстати, оказывалась как раз не запредельной. Так, похожими преобразованиями будет осмыслен стремительный рост двух столиц: сначала на *острове крутом* в «Сказке о царе Салтане», потом Петербурга в «Медном всаднике». Причем то обнадеживающее обстоятельство, что в *новом городе со дворцом*, где княжил юный Гвидон, *все богаты, изоб нет, везде*

палаты [14], рассказывало всего лишь об очередности архитектурных приоритетов благополучия, понятных абсолютно каждому русскому человеку. Как ни странно, но для выражения представлений, вроде бы не соприкасающихся с заземленными реалиями, отыскивались образы, наиболее крепко привязанные к ним, – по накопленному житейскому опыту и логике рутинной действительности. Это доказывает, что даже в рядовом архитектурном объекте скрывается потенциальный символ, ибо «символ привлекает мысль, тогда как мысль (доведенная до предела) привлекает символ» [22].

В общем-то, лукавые народные утопии и возводились в инерции бытового прагматизма на буквально весомых, осязаемых вещественных доказательствах. Активизированная Пушкиным символика архитектуры выступала здесь на пересечении фольклорно-мифологического и реального планов выражения жизни, где использование, казалось бы, вспомогательных понятий для самых заурядных функционально-конструктивных элементов выросло до уровня бытийной, витальной, философской значимости. Перепроверенные в народном творчестве смыслы компенсировали вкупе с художественностью изложения крайнюю лаконичность словоформ поэта и отказ от какой-либо верификации свершающегося волшебства.

За универсальной схемой общепонятного архитектурного процесса мораль, традиционно извлекаемая сказочным жанром, скрывалась у Пушкина не однажды. Например, фабула «Сказки о рыбаке и рыбке» была нанизана на спрямленную линию эволюции национального жилища. Не удивительно, что после *землянки* и *избы со светелкой, трубой, воротами*, а значит, уже разгороженной, отапливаемой, с благоустроенным двором, появился *высокий терем* и даже *царские палаты* [13]. В направленном геометрическом развитии (буквально из-под земли и вверх) как в самом показательном для восприятия прослеживается некая топология. Скачкообразный подъем по социально-экономической лестнице, воплощенный в символической архитектуре, доносит отголоски легковерного мифа, порожденного крестьянской оборотливостью. Подхваченная поэтом из фольклора ритуально-игровая традиция с трехэтапным испытанием героя лишь усугублялась в своей врожденной мудрости изъяснением через безмолвный, но весьма убедительный топологический ряд. С ним эффект неизбежного падения с высот гордыни, развенчания незаслуженных подарков жизни обретал нравоучительную однозначность в наиболее монументальном закреплении.

Заветы народной культуры в самом условном в литературе – сказочном – разрешении проявлялись в изяществе притч, раскручивающихся не во времени, а в пределах вечности, сверхпросто и сверхнаглядно. Архитектура с традиционным предметным наполнением как раз не лукавила, а справедливо распределяла удачу по заслуживающим того местам. Речь не только об исторически обусловленных утилитарных достоинствах, но о сопутствующих ар-

хитектуре в национальном сознании этических наслоениях, вплоть до возможности выражения вечного противоборства добра и зла. Например, через убранство *светлой горницы: лавки, крытые ковром, под святыми стол дубовый, печь с лежанкой изразцовой* [12], – одна из сказочных героинь моментально уловила атмосферу радушия.

В пушкинских картинах мира, по словам Л.Н. Толстого, немаловажная для сюжета «гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства» [16]. Здесь архитектура, традиционно балансирующая между пользой, прочностью, красотой, оказалась надежной привязкой к изображаемой действительности: исторической, современной, вне какого-либо времени. Будучи материальным выразителем архитектурного принципа, она прекрасно вписывалась в абстрактные размышления, а познанные смыслы бытия моделировалась и с помощью ее лаконичных конфигураций. В частности, к монументально запечатленному торжеству над хаосом и случайностью, усиленно приоткрывающему сущность того, что в общем-то не укладывается в слова, устремлялось и вопрошающее единственно точных слов мышление Пушкина.

Список литературы

1. Иванов В.И. Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX вв. – М.: Книга, 1990. – С. 261.
2. Иконников А.В. Функция, конструкция. Форма и эстетическая ценность // Иконников А.В., Каган М.С., Потапов С.В., Пилипенко В.Р., Тупталов Ю.Б. Эстетические ценности предметно-пространственной среды. – М.: Стройиздат, 1990. – С. 87.
3. Жолковский А.К. Превосходительный покой. Об одном инвариантном мотиве Пушкина // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М.: Прогресс, 1996. – С. 243.
4. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун 21 века. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 645.
5. Непомнящий В.Я. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. – М.: Московский городской фонд поддержки школьного книгоиздания, 1999. – С. 384.
6. Пушкин А.С. Бесы // ПСС. – Т. 3. – С. 167.
7. Пушкин А.С. Земля волнуется – с шатнувшихся колонн // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 3. – С. 495.
8. Пушкин А.С. Капитанская дочка // ПСС. – Т. 6 – С. 258–270.
9. Пушкин А.С. Метель // ПСС. – Т. 6. – С. 70–80.
10. Пушкин А.С. наброски к замыслу о Фаусте // ПСС. – Т. 2. – С. 274.
11. Пушкин А.С. Подражание Корану // ПСС. – Т. 2. – С. 188.

12. Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях // ПСС. – Т. 4. – С. 348.
13. Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке // ПСС. – Т. 4. – С. 338–344.
14. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане // ПСС – Т. 4. – С. 318.
15. Пушкин А.С. Странник // ПСС. – Т. 3. – С. 311.
16. Толстой Л.Н. Собрание сочинений под ред. П. И. Бирюкова. – М., 1913. – Т. XXI. – С. 210.
17. Шестов Лев. Умозрение и откровение. Религиозная философия Владимира Соловьева и другие статьи. – Париж: YMCA-Press, 1964. – С. 337–334.
18. Frankl V. 1963. Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. – New York: Washington Square Press. – P. 164.
19. Gadamer H.-G. 1977. Philosophical Hermeneutics (translated and edited dy D. E. Linge). – Berkeley: University of California Press. – P. 31.
20. Jaspers K. 1972. Philosophy of Existence. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press. – P. 83.
21. Norbrg-Schulz Chr. Existence, space and architecture. – NY, 1971. – P. 14.
22. Rasmussen D. M. 1971. Mythic-Symbolic Language and Philosophical Anthropology. The Hague: Martinus Niyhoff. – P. 133.

Рецензенты:

Волков С.Н., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой «Философия» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», г. Пенза.

Жаткин Д.Н., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой «Перевод и переводоведение» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», г. Пенза.